

**ЗАРУБЕЖНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ**

УДК 341.16

doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.82-91

**ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ ПРАВА
ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
(подходы Китайской Народной Республики
и Российской Федерации)**

Н.Е. Тюрина, Ли Сюй

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящем исследовании поднимается вопрос о том, что приведение национального законодательства в соответствие с правом Всемирной торговой организации не требует, но и не исключает прямого действия «охваченных соглашений» во внутригосударственном правовом порядке. Анализируются позиции Китайской Народной Республики и Российской Федерации, получившие выражение в нормативно-правовых актах, при этом основной целью является выявление правовых основ прямого действия права ВТО в законодательстве этих стран. Исходя из существования различных подходов к определению права ВТО как в российских, так и зарубежных научных публикациях, авторы рассматривают данное право с точки зрения имплементации в национальное законодательство. В целях сопоставления позиций КНР и РФ в отношении прямого действия права ВТО исследуются положения соответствующих протоколов о присоединении к Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации, действующее внутригосударственное законодательство и практика некоторых иных государств.

Ключевые слова: право ВТО, «охваченные соглашения», прямое действие, Доклад Рабочей группы

Введение

Поступательное развитие международной торговли в современных условиях осуществляется в существенной мере благодаря Всемирной торговой организации. Под влиянием права ВТО происходят существенные изменения в национальных правовых системах государств, вступающих в данную организацию, причем этот процесс продолжается по мере пополнения права ВТО новыми нормами.

В Марракешском соглашении об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. (далее – Марракешское соглашение) установлено, что «каждый член обеспечивает соответствие своих законов, иных нормативных актов и административных процедур своим обязательствам, вытекающим из прилагаемых Соглашений» (п. 4 ст. XVI МС), что является прямым указанием на объем права, подлежащего имплементации. Однако в определении источников права ВТО наблюдается разнообразие подходов.

Дискуссия о нормативном содержании права ВТО

Ученые практически единогласно признают международно-правовую природу норм ВТО. При этом наблюдаются различия в перечнях правовых актов, раскрывающих содержание права ВТО. В зарубежной научной литературе данный термин зачастую используется в отношении самого широкого круга юридических предписаний, которые были сформулированы в документах, принятых членами ВТО, а до ее создания – участниками Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г. К ним относят соглашения, перечисленные в Приложении 1 к Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров («охваченные соглашения»), куда входит и Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Кроме того, в право ВТО включают документы, не входящие в число «охваченных соглашений», например Итоговый документ Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров и другие документы, принятые с момента учреждения ВТО как акты этой международной организации (документы об отказе от рассмотрения заявлений и решения Органа по урегулированию споров), а также односторонние акты, обычное право и договоры, которые могут появиться в будущем [1]. На более узкий круг источников указывают Дж. Джексон, У.Д. Дейви и А.О. Сайкс, которые относят к ним систему соглашений, принимаемых членами при вступлении в ВТО: 1) многосторонние торговые соглашения, участие в которых обязательно для всех членов; 2) «плюрилатеральные» торговые соглашения, участие в которых оставлено на усмотрение членов [2].

В российских исследованиях право ВТО в рассматриваемом аспекте тоже представлено достаточно широко. Как пишет В.М. Шумилов, «в право ВТО входят нормы Соглашения об учреждении ВТО, всех прочих соглашений и актов, составляющих пакет ВТО, актов, принимаемых органами ВТО. Эти нормы и акты обеспечивают глобальный торговый правопорядок, представляют собой уникальное явление – феномен мирового и исторического значения, характеризующийся целым рядом черт и особенностей» [3, с. 22]. Л.П. Ануфриева отмечает, что к опорным составным частям конструкции права ВТО, то есть Марракешскому соглашению и пакету «охваченных соглашений», необходимо добавить протоколы о присоединении – важнейший инструмент создания международно-правовых обязательств государств – членов ВТО [4]. Кроме того, поскольку «прилагаемые соглашения» являются в соответствии с п. 2 ст. II Марракешского соглашения его неотъемлемыми частями, то само это соглашение, вне всяких сомнений, входит в данный перечень.

Утверждение Л.П. Ануфриевой находит подтверждение в споре «Китай – Меры в отношении экспорта различного сырья». По данному делу третейская группа указала, что согласно § 1.2 ч. I Протокола КНР о присоединении Протокол является составной частью Соглашения о ВТО. Стороны спора признали, что члены ВТО вправе инициировать процедуру разрешения споров посредством подачи жалобы о нарушении Протокола КНР о присоединении к ВТО, а также о нарушении инкорпорированных в Протокол обязательств, содержащихся в Докладе Рабочей группы (7.113–7.114 PR).

Сопоставляя положение Марракешского соглашения (п. 4 ст. XVI) и приведенные подходы к определению права ВТО, можно сделать вывод о том, что следует исходить из цели, в связи с которой предлагается данное определение: в целях имплементации в национальное законодательство – из п. 4 ст. XVI, в целях разрешения споров – из всего перечня документов ВТО, который может быть использован для толкования положений «охваченных соглашений».

Положения об имплементации права ВТО в протоколах о присоединении к Всемирной торговой организации КНР и РФ

В связи с требованием п. 4 ст. XVI Марракешского соглашения возникает вопрос о способах имплементации права ВТО в национальное законодательство. Данное предписание оставляет законодателю свободу в части изложения сути соответствующих правил и формы их закрепления в национальных нормативно-правовых актах и не требует, чтобы они имели прямое действие в национальных правовых актах. Отношение КНР и РФ к решению данного вопроса было высказано в протоколах о присоединении каждого из данных государств соответственно.

Позиция КНР выражена достаточно определенно. Статья 67 Доклада Рабочей группы ВТО о присоединении Китая к этой организации гласит: «Китай всегда добросовестно выполняет свои обязательства, вытекающие из международных договоров. В соответствии с Конституцией и законом КНР о процедуре заключения договора, соглашения ВТО являются важными соглашениями, подлежащими ратификации Всекитайским собранием народных представителей. Китай будет обеспечивать согласование всех его законов и иных нормативных актов, касающихся торговли или влияющих на торговлю, с соглашениями ВТО и обещаниями Китая, чтобы в полной мере выполнять свои международные обязательства. С этой целью Китай будет вносить изменения в существующие национальные законы и разрабатывать новые законодательные акты» (RWP).

Из приведенного положения следует, что КНР не рассматривает возможность прямого действия права ВТО. Выражая согласие на выполнение обязательств по праву ВТО, Китай уточняет, что имплементация данного права будет происходить путем внесения поправок в существующие национальные законы и разработки новых правовых актов. Отказ от прямого действия права ВТО во внутреннем правовом порядке КНР был обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, прямое действие, как правило, имеют международные договоры, регулирующие отношения в сфере международного частного права. Так, из ст. 85, 88, 91, 111–116 Общих положений гражданского права КНР следует, что

в отношении исполнения договора, передачи прав и обязанностей договора, гражданско-правовой ответственности за нарушение контракта такие акты, как Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок, Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении и др., могут быть непосредственно применены в Китае без трансформации их во внутреннее право (ОПП). Что касается «охваченных соглашений» ВТО, то это договоры, относящиеся к категории публичного права и регулирующие торговые и иные, связанные с торговлей экономические отношения между государствами-членами или равными им по правовому статусу в рамках ВТО другими негосударственными субъектами-членами. Общие положения гражданского права КНР на них не распространяются.

Во-вторых, практика непосредственного применения не получила распространения и в других государствах-членах этой организации. Так, ст. 102 Акта США о соглашении Уругвайского раунда 1994 г. (URAA) устанавливает, что положения соглашений ВТО не будут иметь силы на территории США, если они противоречат любому закону США, принятому как до, так и после принятия соглашений о ВТО. Ни одно из положений соглашений ВТО не будет иметь какого-либо эффекта на территории США, если оно противоречит любому закону США; ни одно лицо не может основывать свои исковые требования или строить свою защиту в суде США, основываясь на положениях соглашений ВТО, а также не может оспорить на основе норм ВТО ни одно положение, действие или бездействие любого правительственного агентства [5, с. 77].

В отличие от США в праве Европейского Союза не закреплено положение о запрещении прямого действия соглашений ВТО, лишь в преамбуле решения Совета ЕС о подписании Марракешского соглашения установлено, что Соглашение об учреждении ВТО, включая приложения к нему, не может быть непосредственно использовано в судах Сообщества или в национальных судах (СД). Данное положение аргументировано тем, что в условиях, когда не все члены ВТО допускают прямое действие соглашений ВТО, его прямое действие в ЕС приведет к дисбалансу в отношении исполнения обязательств, основанных на данном праве.

В Японии прямое действие соглашений ВТО было отвергнуто соответствующими судебными решениями [5, с. 81].

В-третьих, правовые основы для прямого использования соглашений ВТО в Китае недостаточны. В Конституции КНР отсутствуют четкие положения о том, что международные договоры являются частью национального законодательства или правовой системы. Установление в п. 2 ст. 142 Общих положений гражданского права КНР, допускающее прямое действие, не является универсальным принципом, так как ограничено сферой гражданского права. В соответствии с данной статьей из всех охваченных соглашений могло бы быть непосредственно применено только Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Следует заметить, что те случаи, когда право ВТО применялось другими государствами непосредственно, были прежде всего связаны с положениями ТРИПС.

Китайские специалисты по международному праву вели долгую дискуссию о прямом действии права ВТО. Как отмечает А.С. Исполинов со ссылкой на китайского исследователя¹, «наиболее полная официальная версия аргументов против прямого применения норм ВТО в правовом порядке Китая... была приведена вице-президентом Верховного суда Китая... и выглядит следующим образом. Во-первых, положения соглашений ВТО не подходят для их прямого применения судами, так как эти положения в первую очередь адресованы государствам – членам ВТО. Во-вторых, косвенное применение соглашений ВТО, а также применение их в форме трансформации в национальное законодательство само по себе не противоречат обязательствам государства в рамках ВТО. В-третьих, необходимо принимать в расчет вопрос взаимности, чтобы не поставить китайские предприятия в заведомо невыгодное положение и не ущемлять национальных экономических интересов. В-четвертых, необходимо принимать во внимание сложный и комплексный характер соглашений ВТО и недостаточную квалификацию китайских судов для их прямого применения [5, с. 82].

Тем не менее непосредственное применение международных договоров в КНР имеет место. В китайском законодательстве насчитывается более 70 положений, которые предусматривают непосредственное применение международных договоров. По вопросам, относящимся к сфере ВТО, это ст. 17 Закона о товарных знаках, п. 3 ст. 3 Правил применения закона о товарных знаках, п. 3 ст. 2 Закона об авторском праве, ст. 18 Закона о патентах, п. 3 ст. 36 Закона о наследовании. Следует заметить, что, хотя указанные положения не отсылают непосредственно к «охваченным соглашениям», они служат выполнению обязательств по праву ВТО, в частности такого из «охваченных соглашений», как ТРИПС. Другим способом согласования национального законодательства КНР с ТРИПС является принятие в 1990 г. Закона КНР «Об авторском праве», разработанного на основе Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г., участие в которой является требованием ТРИПС.

Позиция РФ в Докладе Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации (далее – Доклад) сформулирована не совсем определенно. Так, в указанном документе приводится текст ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и отмечается, что «с даты ратификации Российской Федерацией Протокола о присоединении, включающего Соглашение ВТО и другие обязательства, принятые Российской Федерацией как часть условий присоединения к ВТО, он становится неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации. Органы судебной власти Российской Федерации будут толковать и применять его положения. Таким образом, международные договоры Российской Федерации, в отношении которых согласие Российской Федерации на участие в них выражено путем принятия федерального закона (как в случае Протокола о присоединении Российской Федерации), имеют приоритет при применении перед всеми предыдущими и последующими федеральными законами, равно как и перед всеми подзаконными нормативными правовыми

¹ Li Mei Qin. China's Post-WTO Goods and Technology Import and Export Legal System (Singapore Journal of International and Comparative Law. 2003. V. 7. P. 106, 107).

актами (указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, актами федеральных органов исполнительной власти)». Далее уточняется: «Если суд высшей инстанции установит, что положение нормативного правового акта, за исключением Конституции и федеральных конституционных законов, противоречит положениям международного договора Российской Федерации, такое положение будет признано недействительным и не подлежащим применению» (п. 151 ДРГ).

Исходя из приведенных положений Доклада, можно было бы заключить, что «охваченные соглашения», будучи международными договорами, которые были ратифицированы РФ, являются частью российской правовой системы со всеми вытекающими из данного обстоятельства и указанными выше последствиями. Тот факт, что имела место ратификация только одного договора – об учреждении ВТО, не меняет сути дела, поскольку Соглашение об учреждении ВТО совместно с иными «охваченными соглашениями», указанными в Приложениях к нему, составляют единый «пакет» и, как следствие, все они имеют статус ратифицированных международных договоров. Однако такой вывод в сложившихся условиях формулирует не общее правило, а лишь возможное исключение из него.

Дело в том, что в приведенном тексте Доклада излагаются общие положения, вытекающие из п. 4 ст. 15 Конституции РФ и указывающие на возможность прямого действия права ВТО в России. При этом не приводятся установленные в законодательстве РФ обстоятельства, при которых прямое действие международных договоров в российском правовом порядке исключается. Речь идет о том, что содержащееся в Докладе разъяснение о включении Соглашения ВТО в российскую правовую систему не учитывает п. 3 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (101-ФЗ) и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (ППВС), где отмечается, что к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство. Учитывая, что Россия в процессе подготовки к вступлению в ВТО осуществила предварительную имплементацию права ВТО во внутригосударственное законодательство, вопрос о прямом действии права ВТО в отношении положений «охваченных соглашений», которые были уже трансформированы в российское законодательство указанными способами, был изначально лишен смысла.

Отсутствие в Докладе разъяснений указанных выше положений не дает реального представления о правовой ситуации относительно прямого действия права ВТО в РФ. Более того, в Докладе указывается: «Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” устанавливает общий порядок рассмотрения обращений и жалоб лиц (российских и иностранных граждан), подаваемых в органы государственной

власти и органы местного самоуправления и касающихся осуществления или нарушения их прав или законных интересов, нарушения законов или иных нормативных правовых актов, решений, действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления или их должностных лиц. Федеральный закон не ограничивает право физических лиц подавать обращения от имени юридических лиц или общественных объединений» (п. 194 ДРГ). С учетом ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 обращение иностранных лиц в суды РФ с исками об оспаривании мер, принятых органами РФ в нарушение обязательств по праву ВТО, невозможно тоже потому, что многосторонние соглашения, требующие внесения изменений в законодательство РФ, не могут иметь прямого действия. Следовательно, включение приведенного положения в Доклад логично с учетом п. 151 ДРГ, поскольку дает общее представление о доступе иностранных лиц к правосудию в РФ, но лишено смысла применительно к ситуации, связанной в настоящее время с правом ВТО.

Заключение

Поскольку решение о прямом действии права ВТО в национальных правовых системах принимается членами этой организации в одностороннем порядке, то и подходы к допущению прямого действия разнообразны. К тому же существуют различия в отношении субъекта права ВТО к данному вопросу в зависимости от конкретного соглашения. В связи с этим было бы неверно говорить о полном исключении прямого действия права ВТО как об универсальной практике, так и о практике отдельного государства (таможенной территории), что находит подтверждение на примере КНР и РФ.

Положение в Докладе Рабочей группы о том, что КНР будет приводить свое законодательство в соответствие с правом ВТО путем внесения изменений в существующие национальные законы и разработки новых законодательных актов, говорит о предпочтительных способах имплементации права ВТО в Китае, но не выражает категорического отказа от допущения его прямого действия, по крайней мере в отношении отдельных соглашений.

Что касается РФ, то прямое действие могут иметь будущие соглашения в тех случаях, когда соответствующие положения не имплементированы в российское законодательство иными способами.

Таким образом, несмотря на ограничения правового характера и затруднения, обусловленные политическими и техническими факторами, прямое действие права ВТО, имеющее существенное значение для обеспечения мирового торгового правопорядка, несет реальный потенциал для распространения в условиях глобализации экономического сотрудничества.

Источники

МС – Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Моск. журн. междунар. права. – 1997. – № 1.

- PR – Reports of the Panel “China – Measures Related to the Exportation of Various Raw Materials”, WT/DS394/R, WT/DS395/R, WT/DS398/R, 5 July 2011. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/394_395_398r_e.pdf, свободный.
- RWP – Report of the Working Party on the Accession of China, WT/ACC/CHN/49, 1 Oct. 2001. – URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?FullTextHash=1&MetaCollection=WTO&SymbolList=%22WT/ACC/CHN/49%22+OR+%22WT/ACC/CHN/49*%22, свободный.
- ОПГП – Общие положения гражданского права КНР. – URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/general_principles_civil_law, свободный.
- URAA – Uruguay Round Agreements Act, 8 Dec. 1994 // Pub. L. – 1994. – 103–465. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-108/pdf/STATUTE-108-Pg4809.pdf>, свободный.
- CD – Council Decision 94/800/EC of 22 Dec. 1994 concerning the conclusion on behalf of the European Community, as regards matters within its competence, of the agreements reached in the Uruguay Round multilateral negotiations (1986–1994) // Official J. European Union. – 1994. – 336. – P. 1–2.
- ДРГ – Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации, WT/ACC/ RUS/70, WT/MIN(11)/2, 16 нояб. 2011 г. – URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/tsouz/docs/docladRG.pdf>, свободный.
- 101-ФЗ – Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Рос. газ. – 1995. – № 140.
- ППВС – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Рос. газ. – 2003. – № 3358.

Литература

1. *Rauwelyn J.* The role of public international law in the WTO: How far can we go? // *Am. J. Int. Law.* – 2001. – V. 95, No 3. – P. 535–578. – doi: 10.2307/2668492.
2. *Гуляева Т.К.* Подходы к определению «права ВТО» в зарубежной и отечественной доктрине // *Право и экономика.* – 2015. – № 12. – С. 63–67.
3. *Шумилов В.М.* Право ВТО и законодательство России // *Евразийский юрид. журн.* – 2013. – № 4. – С. 22–28.
4. *Ануфриева Л.П.* «Право ВТО» и правовая система Российской Федерации // *Международ. науч.-практ. конф. «Тункинские чтения»: Сб. докл. и ст. Вып. 3 / Под ред. А.С. Исполинова, А.А. Баталова.* – М.: Зерцало-М, 2013. – С. 9–26.
5. *Исполинов А.С.* Применение норм соглашений ВТО национальными судами: теория и практика // *Государство и право.* – 2014. – № 9. – С. 75–85.

Поступила в редакцию
14.11.18

Тюрина Наталья Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tyurina.natal@yandex.ru

Ли Сюй, аспирант кафедры международного и европейского права

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: *internationallaw@bk.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 1, pp. 82–91

doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.82-91

**The Direct Effect of World Trade
Organization Law in National Legislation
(Approaches of the People’s Republic of China
and Russian Federation)**

N.E. Tyurina *, *Li Xu* **

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: * *tyurina.natal@yandex.ru*,

** *internationallaw@bk.ru*

Received November 14, 2018

Abstract

The principle provision of the Marrakesh Agreement of 1994 providing for harmonization of national laws and regulating external trade relations has been discussed in the paper. Bringing national law in compliance with WTO (World Trade Organization) law does not require, but admits the direct effect of “covered agreements” in the national legal order. Taking into account various approaches to the definition of WTO law in Russian and foreign scientific publications, we have studied it in the context of implementation in national law. The legal acts adopted by the People’s Republic of China and Russian Federation according to their obligations under WTO law have been analyzed to identify the specifics of its implementation in these countries. It has been revealed that in both cases the direct effect of WTO law is not a national practice, but the legal backgrounds for that appear to be different. The Chinese and Russian approaches to the direct effect are explained in the related Protocols on accession to the Agreement establishing the WTO supplemented by the Reports of the Working Groups as integral parts. As it follows from these documents, the direct effect in both countries is not entirely rejected, though it may be only a rare and special occasion. The experience of other countries considered in this paper confirms that the direct effect of WTO law is not expected to be a regular practice.

Keywords: WTO law, “covered agreements”, direct effect, working group report

References

1. Pauwelyn J. The role of public international law in the WTO: How far can we go? *American Journal of International Law*, 2001, vol. 95, no. 3, pp. 535–578. doi: 10.2307/2668492.
2. Gulyaeva T.K. Approaches to defining “WTO law” in foreign and national doctrine. *Pravo i Ekonomika*, 2015, no. 12, pp. 63–67. (In Russian)
3. Shumilov V.M. WTO law and Russian and Russian legislation. *Evraziiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2013, no. 4, pp. 22–28. (In Russian)
4. Anufrieva L.P. “WTO law” and the legal system of the Russian Federation. *Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. “Tunkinskie chteniya”* [Int. Sci.-Pract. Conf. Tunkin Lectures]. Ispolinova, A.A. Batalov A.S., Batalov A.A. (Eds.). Moscow, Zertsalo-M, 2013, pp. 9–26. (In Russian)

5. Ispolinov A.S. Application of the WTO rules by national courts: Theory and practice. *Gosudarstvo i Pravo*, 2014, no. 9, pp. 75–85. (In Russian)
-

Для цитирования: Тюрина Н.Е., Ли С. Прямое действие права Всемирной торговой организации в национальном законодательстве (подходы Китайской Народной Республики и Российской Федерации) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 82–91. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.82-91.

For citation: Tyurina N.E., Xu L. The direct effect of World Trade Organization law in national legislation (approaches of the People's Republic of China and Russian Federation). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 1, pp. 82–91. doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.82-91. (In Russian)